

МЕССИЯ, КОТОРОГО МЫ ПОТЕРЯЛИ

Сбылась мечта Солженицына: его советы востребованы властью

В декабре минувшего года Александру Исаевичу исполнилось 85. Возраст патриарха. Время подведения поздних итогов, уже почти с надмирной высоты. Итоги эти противоречивы.

С одной стороны, Нобелевская премия, всемирная слава, благополучная с виду старость в подмосковной усадьбе в Троице-Лыково. С другой стороны, закат той самой славы, что светила в сто тысяч солнц четверть века назад, проблемы с репутацией, болезни. Весной Солженицыну, всю жизнь не любившему врачей, пришлось лечь на длительное обследование в ЦКБ – высокое давление, защемление позвоночного нерва. Осенью пришлось отбиваться от старых обвинений в стукачестве в лагерные годы. При всей деликатности данной темы следует признать, что своим обидчикам юбиляр врезал от души, прямо-таки с юношеским задором и яростью старого зека. В общем, имя его на слуху. А самое главное: сегодня он может чувствовать себя победителем, поскольку новая Россия двинулась по начертанному им пути.

Как закалялась сталь

Судьба писателя давно уже принадлежит к разряду мифов и легенд, сотворенных при его активном участии. Имею в виду книгу «Бодался теленок с дубом» и позднейшие мемуары, посвященные жизни в эмиграции – «Угодило зернышко промеж двух жерновов». Это поразительные сочинения; мало кто в мировой литературе до такой степени был с читателем откровенен и так саморазоблачался, даже не догадываясь о том. Впрочем, и без этих книг жизнь Солженицына достойна самого пристального интереса. Хватает биографии.

Родившийся в Кисловодске в разгар гражданской войны, он с ранних лет обнаруживает тягу к литературе и истории, прежде всего к Первой мировой войне и февралю-октябрю 1917-го. Фантастическая деталь: глыба книг, которая к концу XX века станет «Красным колесом», задумана в юности – разумеется, с иным названием и другой идеологией. Однако замысел воплощен. Вавилонская башня построена и царапает небо.

Оглядываясь назад, вчуже жалеешь сгинувшую советскую власть: какую невосполнимую утрату понес социалистический реализм! Мальчик, воспитанный в советской школе и в советских вузах (физмат Ростовского университета, ИФЛИ), был верным коммунистом-ленинцем. При этом обладал свирепой работоспособностью, редкостным талантом, честолюбием, скрытностью, волей. С такими чертами он мог стать и великим физиком, и командармом, и генералом НКВД, и партийным вождем. Но более всего юношу тянуло к литературе, и это помогло

избежать иных, гибельных соблазнов. Вспоминая прошлое, писатель весьма строго судит себя и не скрывает: всяко могла сложиться судьба.

Потом был фронт. Боевой путь от Орла до Восточной Пруссии, звание капитана, выход из окружения, ордена. Арест за вольномыслие в подцензурных письмах, где красный офицер бесстрашно крыл пролетарскую литературу и Верховного Главнокомандующего. Восемь лет заключения и вечная ссылка: строительные работы в Москве, «шарашка» в подмосковном Марфине, Особлаг в Казахстане. Рак, еще в лагере, и чудесное избавление от болезни. Годы учительства в Кок-Тереке. Освобождение. Реабилитация.

Всё это общеизвестно, но оттого не менее впечатляет. В особенности рассказы его о том, как сочинял в лагере стихи и прозу, и заучивал их тысячами строк, не смея доверить бумаге, и как потом в ссылке прятал их и перепрятывал, и сжигал, и снова писал, заучивал, сжигал, прятал. Как тосковал по женщине и не мог ни с кем сойтись, боясь, что комсомолка выдаст его «органам». Как пережил предательство жены и снова вернулся к ней, выйдя на волю, чтобы годы спустя ее бросить и пережить наяву послелагерные кошмары: бывшая жена, мстя за измену, долго потом исповедовалась в КГБ...

В его судьбе и характере соединилось природное и обретенное в хождениях по мукам: литературный талант переплавился в сюжеты будущих книг, а душа обросла колючей проволокой. Ифлийский мальчик стал зеком: хитрым, осторожным, неулыбчивым, безжалостным. Зек оказался писателем: памятьливым, никому никогда ничего не простившим и с ясным ощущением великого предназначения – выкрикнуть правду о миллионах погибших в ленинско-сталинских лагерях. Вызвездить этой власти в лоб все ее преступления. Выразить себя не только в литературе, но и в истории. Годы одиноких, напряженных, невеселых размышлений о судьбах России уже тогда, в годы 50-е, выстроились у него в строгую концепцию прошлого и чаемого будущего страны. Он уже тогда догадался, отчего все беды.

Он знал, как обустроить Россию.

Советской власти крупно не повезло с Солженицыным. Только такой и мог, то из окопа, то поднимаясь в полный рост, драться с ней голыми руками. Уходить в подполье, прятаться в «укривищах» и вдруг являться на свет и бить наотмашь в морду – открытыми письмами, короткими прицельными заявлениями для печати, но более всего – книгами, которые тяжелыми бомбами взрывались на Западе и в самиздате. Бывший артиллерийский офицер Солженицын хорошо разбирался в этом деле.

От рассвета до заката

Читателям трех поколений ничего объяснять не надо, а правнукам не втолкуешь – кем был в годы 60-80-е прошлого века для нас автор «Архипелага». Каким потрясением для общества была его первая публикация – «Один день Ивана Денисовича» в ноябрьской книжке знаменитого журнала. Как жадно ловила каждое его слово советская читающая публика. Какую унылую оторопь, а потом и ненависть вызывало его имя у партийного начальства и у гэбешников. Какие вихри враждебные кружились над ним.

Для тех немногих, кто всю правду о «совке» знал и прежде, его проза и публицистика стали путеводными звездами в мрачноватом мире постсталинского СССР. А для большинства его книги и мужество в отстаивании своих убеждений, как и опыт довольно-таки одинокого противостояния власти, служили весьма впечатляющим воспитательным примером. И тут, конечно, важнее всего была мощь литературного дарования Солженицына.

В его прозе тех лет сплелись традиции русского критического реализма, оригинальный слог, смесь советского новояза с Далем и лагерной феней, и — что воздействовало на умы сильнее всего — талант пропагандиста. Или контр-пропагандиста, если угодно. Ибо Александр Исаевич был советским человеком до мозга костей и бил «большевицкую власть» из ее чрева и ее же оружием — догмой. Вывернутым наизнанку мифом о гуманизме единственно верного учения, из которого сыпались, как мертвецы из брюха людоеда, сожранные поколения советских людей. Он разговаривал с эпохой, начальством и гражданами на их языке. Разрушительный заряд всех его написанных в России книг был огромен. Ошалевшие вожди всерьез не могли с ним спорить, и не только в силу врожденного косноязычия. Ответов не было вообще, покуда Александр Исаевич громогласно, на весь мир рассказывал советскому народу о советской власти — про ГУЛаг и миллионы превращенных в лагерную пыль, про ссылку народов, про Лубянку и Кремль, про идеологических вертухаев хрущевского и брежневского призыва. С ним невозможно было вести успешную полемику, как ни напрягались «самые поворотливые из трупоедов» писательского союза, бывшая жена и дрессированные журналоги, кормившиеся из лубянского корыта. Его можно было только убить. Или выслать.

Солженицыну повезло и тут: дряхлеющие громыки из политбюро ЦК не решились ни посадить его, ни расстрелять, ни устроить автомобильную катастрофу. Лишение гражданства и изгнание из страны стало самым победоносным моментом его биографии. Ядерная держава проиграла ему по всем статьям, даровав писателю уже абсолютную творческую и личную свободу. Может, в тот февральский давний день 1974 года советская власть и кончилась, поагонизировав еще зачем-то семнадцать сумрачных лет. Жалеть, безусловно, не о чем.

Жаль, однако, что в тот день кончился и Солженицын.

Самоограничение дара

Собственно говоря, с Александром Исаевичем в эмиграции (а если быть точным, то за несколько лет до нее) не случилось ничего такого, чего бы не знала многострадальная история русской литературы. Русскому гению тесно в отведенном ему безбрежном небе великой славы. Ему надоедает грешная человеческая плоть — хочется поработать богом. Быть нравственным учителем современников не посредством художественных текстов, а впрямую, разъясня непутевым гражданам, как следует жить, молиться, вести себя с ближними, чего кушать и куда вообще Россия должна идти. Он начинает «пасти народы», по меткому определению Анны Ахматовой.

Гоголь затевает трагикомическую переписку с друзьями и морит себя голодом. Лев Толстой создает новую религию, сильно опрощается, ругает Шекспира и пишет жалкие сказки для неведомых детей. Достоевский ведет свой «Дневник писателя» — грустную исповедь больного сердца, истерзанного антисемитскими видениями и политическими миражами.

Солженицын был тоже обречен пойти по этому пути: узреть истину и начать выдавать ее большими порциями городу и миру. И дело тут не только в характере и разнообразных чудесах личной и творческой биографии, заставивших его поверить в собственную исключительность. Дело в том, что определенная часть советского, да и западного общества сама увидела в нем пророка. От него ждали уже не книг, но Слова, не заявлений для печати, но божественного откровения, не творчества, но чудотворства.

Загнанный, затаенный зек, подпольный человек, он мечтал об этом полжизни. В лагере, в ссылке, в редакции знаменитого журнала, в краткий миг

знакомства с дорогим Никитой Сергеичем в номенклатурном коридоре, даже в лефортовской камере перед высылкой, где он тщетно и всерьез ожидал почтительную делегацию вождей из политбюро. А ему было что сказать раскрявшившим рот соотечественникам и глупым иностранцам. Волею судеб он стал последним (на сегодняшний день) Великим Писателем Земли Русской и отыграл эту трагикомическую роль по всем правилам искусства. До конца. Ни единой долькой не отступив от губительного замысла.

Речь, как всегда, шла о правильном устройстве бытия на Земле.

Жить не по лжи. Советской власти, ударившись оземь, обратиться во власть теократическую, а советскому народу стройными толпами отправиться в церковь, где узреть Бога. Западу добровольно самоограничиться, отказавшись от бесовских соблазнов отвязанного рыночного общества и бездуховной свободы в пользу той же теократии. Истина одна, оттого нет людей вреднее, чем плюралисты. Ибо «убежденность человека, что он нашел правоту, – нормальное человеческое состояние... Сознание, что жизнью своей служишь воле Бога, – здоровое сознание всякого человека, понимающего Бога простым, отнюдь не гордостным сердцем.» Так писал Солженицын, обращаясь к народам и правительствам через головы «дерьмократов», и только очень наивный читатель мог предположить, что смиренный прозаик отнюдь не гордостным сердцем признает свою правоту – одной из многих. То есть согласен с плюралистами.

«Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве... Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее... своих нравственных приговоров и верований.» А это, конечно, Достоевский, тягостный полусонный бред его подпольного героя, отбывающего каторжный срок за убийство старухи-процентщицы и ее кроткой сестры. Та самая душевная болезнь «бессмертной правоты», которой страдали многие русские гении, не избегнул и Федор Михайлович, и в тяжелой форме хворает до сих пор Александр Исаевич. Болезнь фанатиков, вне зависимости от литературного дарования или политических убеждений. Недаром же про «Ленина в Цюрихе», самый антибольшевистский роман Солженицына, один из его давних знакомцев изумленно выдохнул: автопортрет!..

Но это полбеда, чьи портреты малюет взыскательный художник. Беда, когда картина не получается. С середины 70-х годов мы наблюдаем печальный и почти неуклонный процесс превращения замечательного писателя в скучного, неумного и неумного проповедника. Для Солженицына начинается время глухого вермонтского затворничества, одиноких творческих бдений в чужой стране, которая ему абсолютно чужда и даже противна. Как нынче Березовский в Лондоне, он со страстным вниманием следит за событиями, происходящими дома, все хуже разбираясь в них. Он много пишет, еще больше, чем в советские суетные времена. Работает по 18 часов в сутки, широкими мазками рисует свое «Красное колесо», напряженно связывая узлы... Он очень спешит. Он сочиняет скучные, тяжелые, неподъемные исторические книги, в которых верный его читатель с недоумением пытается узнать прежнего Солженицына, пробиваясь сквозь мертвый вычурный выдуманный словарь, и – едва узнает. Наступает пора самоограничения дара. После «Августа Четырнадцатого» в прозе – чуть не сплошь «пустая порода», как выразился один из его бывших почитателей.

Иное дело – публицистика. В хлестких и яростных статьях он по-прежнему интересен, поскольку там, где уже не хватает дара, берет злостью и страстью.

Но как же поменялись темы и персонажи его полемических произведений! Вместо писательского съезда и советских вождей это теперь Андрей Синявский и прочие плюралисты-правозащитники, которые Александру Исаевичу отвратнее черкитских следователей. Он спешит отмежеваться от «Демдвижа» (Демократического движения в СССР) и, как позже с грустью отметит в своих воспоминаниях, начинает терять самых близких друзей. Из тех, кто, рискуя свободой, если не жизнью, выводил его за руку из подполья к славе, перепечатывал и хранил романы, повести, «крохотки», «ГУЛаг». Зато сближается с теми – в эмиграции, а затем и в метрополии, – кого в жизни прежней должен был бояться и презирать. Типа Сергея Залыгина, благополучнейшего советского вельможи, подписанта гнусных антисолженицынских писем, в годы перестроечные – редактора «Нового мира» и новообращенного пропагандиста «Красного колеса». Но Александру Исаевичу это уже было неважно: кто прошлое помянет, тот против нас...

Головокружение от успехов у людей происходит по-разному, принимая самые причудливые формы. Но это всегда измена себе, своему предназначению, своему дару, который до конца не угадан. Солженицын был рожден писателем, причем «малых» и «средних» форм; даже «ГУЛаг» – это не циклопический роман об истории лагерей, а сборник блистательных рассказов о человеческих судьбах в тисках душеразбивательной машины уничтожения. Какими бы ни были выстраданные убеждения писателя, ему дано было высказать их в строго отмеренной художественной форме, без притязаний на глобальные исторические обобщения и окончательный приговор. Оттого в лучших своих произведениях Солженицын – подлинный гуманист, пишущий в замечательных традициях русской классической прозы. Оттого в худших своих книгах он – почти бес-талантный обскурант, забывший в себе и художника, и Бога. Лишенный вкуса в наказание за измену родной словесности.

ВВП в конце тоннеля

Его возвращение на родину в маленьковском френче под стрекот телекамер Би-Би-Си выглядело как злая автопародия. Его речи с телеэкрана были пусты и скоро приелись. Его новейшая публицистика была наотмашь, и всё – мимо. Его литературные портреты (Гроссман, Давид Самойлов) написаны слогом неряшливым, беглым, злым и лишь для одной цели – поквитаться с мертвыми, которые уже не могут ответить. Его нашумевший двухтомник «Двести лет вместе» – такая глупая, прости Господи, книга (хорошие евреи за Россию, плохие – против, а между ними суевающийся автор с призывами всем покаяться и раздающий полезным евреям пряники за добрые слова о русских, а вредным пинки за русофобию), что неловко и обсуждать. И только проза, «малая форма», вдруг вспыхивает еще иногда огоньками прежнего таланта («Абрикосовое варенье»).

Сегодня он живет на отшибе, мало интересный соотечественникам, которые за минувшие годы повидали уже столько гениев и пророков, что больше пока не нужно. Иногда, заскучав или возмущившись, он всё же создает «информационные поводы», и тогда граждане вновь говорят о нем. Когда Александр Исаевич, вспомнив о своей миссии писателя-гуманиста, вдруг возвышает голос в защиту смертной казни... Или вот, как в прошлом году, метелит журналиста Дейча и прочих клеветников, посягнувших на его доброе имя. Однако жизнь сбылась, и он редко отвлекается на детали.

Сбылось самое главное: его советы востребованы властью. Есть основания полагать, что жизнь в России, начиная с 1999 года, развивается в немалой степени по солженицынскому сценарию. Его идеи положены в основу нынешней

российской внутренней политики. А в Кремле сидит достойный его ученик, хотя встречаются они нечасто; официально – лишь один раз.

...Трехлетней давности спецсъемка запечатлела писателя и вождя, шествующих по коридору троице-лыковской усадьбы нобелевского лауреата. Заглянула камера и в кабинет Александра Исаевича. Там, на фоне богатой библиотеки, эти двое сидели за столом и бодро общались. Путин внимал Солженицыну.

Сюжет имел продолжение. В десятиминутном интервью, показанном тогда на госканале РТР, писатель выступил с содержательными воспоминаниями об исторической встрече. Он выглядел человеком счастливым. Ему очень понравился Владимир Владимирович. Чуть сбивчиво и весьма эмоционально он отметил почти полное совпадение личных посылных соображений и позиций государственных, изложенных Путиным. В одном хозяин и гость не сошлись: зачистку Совета Федерации Солженицын счел слишком мягкой. По его мнению, сенаторов нечего избирать, их должен назначать президент. «Ну не всё сразу», – должно быть, откликнулся Путин...

Автор «Ленина в Цюрихе» особо выделил у российского президента его «живой ум».

Отчего эти двое оказались так близки друг другу – догадаться легко. Путин с первого дня, едва был объявлен наследником, имел достаточно твердую программу: «подморозить» Россию, назвав это установлением порядка. Переделить собственность и укрепить личную власть, опираясь на силовые структуры. Придавить прессу. Бывшего зека такой сценарий давно уже не смущал. Ибо мировоззрение писателя с тех пор, как он внятно о нем заявил, не изменилось. Суть его – мягкий авторитаризм без коммунистов, основанный на идее национальной. Отсюда глубокая личная ненависть к космополитам-реформаторам гайдаровской эпохи, о чем Солженицын написал уже немало яростных строк. Следовательно: отмена итогов «грабительской приватизации». А еще неплохо бы пересмотреть границы с Украиной и Казахстаном. Легко догадаться, что в битве Путина с олигархами или вот с «хохлами на Тузле» – все симпатии писателя на стороне полковника КГБ. Сама по себе свобода слова, равно и профессиональная журналистика, зачищенная ныне почти до полного блеска, давно не являются для него определяющей ценностью, тем более для Путина. Жизнь юбиляра прошла очередной круг, в круге первом закольцевавшись с ранними его романтическими идеями, где ленинизм счастливо соединялся с патриотизмом. На выходе его ждал ВВП.

Кого Александр Исаевич разглядел в нем?

Перечитывая «Русский вопрос...», обнаруживаем характеристику идеального, по Солженицыну, государственного деятеля, нового Столыпина, столь необходимого России. Того, «кто б одновременно был: мудр, мужественен и бескорыстен». Вслушиваясь в похвалы, которые писатель нескупо раздавал президенту, узнаем про путинское «радение на пользу Отечества», а также про тот самый «живой ум», эвфемизм мудрости кремлевской... В солженицынских же текстах находим и «волю», о которой (с прибавкой «политическая», у писателя все больше о «человеческой») без устали говорит наследник, разъясняя свое видение общероссийских перспектив и необходимых для пользы дела решительных мер. Стремление «мочить в сортире», стилистически отличаясь от высказываний нобелевского лауреата, по сути им соответствует: войну в Чечне писатель

поддерживает, чеченцев осуждает, вычеркнув из памяти всё, что написал о них в «Архипелаге». Путин действительно лишь повторяет Солженицына на своем, доступном ему языке. Они — естественные союзники.

Речь не только об идеологии.

Чекист в Кремле нуждается в нравственной поддержке человека, которого в иные годы мог бы сопровождать в ФРГ в составе спецконвоя. Бывший диссидент радеет об осуществлении своего «единственно верного» футурологического проекта. Большое видится на расстоянии: с высоты своей славы, возраста, опыта, патриотического отчаяния Солженицын разглядел в невысоком президенте все то, чего сперва не разглядели «образованцы». А дальнейшие события лишь подтвердили его не гордостную правоту. Авторитаризм (правда, уже не мягкий) налицо. Православие крепчает, обретая статус государственной религии. Ползучий пересмотр итогов приватизации, чему дело Ходорковского — яркий до рези в глазах пример, сомнений не вызывает. Новейшая история России, с тех пор как в Кремле воцарился Путин, развивается по Солженицыну, и писателя вовсе не пугает, что во главе страны встал КГБ. Его патриотизм выше таких мелочей.

В чем Александр Исаевич безусловно прав: стремление к свободе вечно оборачивалось в России «торжеством порнографии», и на смену Февралю всегда приходил Октябрь. Однако же и путь государственно-патриотический вел в тот же тупик, где на каждого сознательного гражданина хватало колючей проволоки, дешевой колбасы и цензуры. У художника, к счастью, иногда оставался выбор, возможность неучастия в делах государственных, подальше от кремлей и царей. Но у Солженицына слишком велик общественный темперамент. Слишком выстрадана уверенность в собственной правоте. Слишком сильна фантомная боль, в которой причудливым образом соединились ненависть к тоталитаризму и надежда на полицейский режим, который спасет Россию.

«Волкодав прав, людоед нет», — в годы прежние эта нравственная максима означала для него совсем иное. Давить следовало погромную власть, которая начиналась в Кремле и на Лубянке. Сегодня, по Солженицыну, прав Путин. А в роли людоедов выступают его политические враги. На них идет охота, на серых хищников, матерых и щенков. Про них Александр Исаевич выражается порой и покруче наследника, вслух размышляя о «ликующих, хохочущих нуворишах и ворах, биржевых дельцах, затасканных журналистах...» Мочить их, что еще с ними делать? Не жалко. Но почему-то жаль Солженицына.

Если не дай Бог что, новый «ГУЛАг» напишет уже не он. И дело тут не в возрасте. Просто не напишет, и всё.